

ОТЗЫВ
официального оппонента доктора исторических наук
Арапова Дмитрия Юрьевича
на диссертацию
Селезнёва Юрия Васильевича
«Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (Орды)»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических
наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Представленное Ю. В. Селезнёвым серьезное аналитическое исследование посвящено изучению положения русских князей в системе отношений правящего слоя Золотой Орды на протяжении XIII – XV вв.

В ходе монголо-татарского завоевания в первой половине XIII в. персональный состав русской знати был значительно сокращен (за счет военных потерь). На территории покоренных русских княжеств была установлена система зависимых от Орды отношений, включавшей в себя: обретение монгольским каганом (позже – ордынским ханом) суверенитета над княжествами; вассально-ленную зависимость; распространение на зависимых землях судебных прав хана и его чиновников; налоговую зависимость; административную (появление в русских княжествах особых ордынских чиновников – численников, баскаков, даруг); военно-политическую зависимость. В этой связи избранная соискателем тема актуальна не только в рамках выявления механизмов взаимодействия русских князей и ордынской высшей элиты в лице ханов и эмиров, но и для уяснения общих закономерностей формирования и функционирования элит вообще.

Автор, в первую очередь, отмечает, что ордынская система функционирования элиты в XIII – первой трети XV в. представляла собой сложную социальную структуру. Верхнюю ступень занимали представители рода Чингиз-хана, точнее, его старшего сына Джучи. Они имели первое и исключительное право на наследование государственной власти в пределах Джучиева Улуса. Привилегиями высокого уровня наделялись эмиры-

нечингизиды, находившиеся в родстве с правящим домом по женской линии. Близкое к ним положение занимали гвардейцы хана. Эти слои элиты ордынского общества представляли собой родовитую знать и составляли самый высший слой ордынской правящей аристократии.

Следующую по значению ступень в иерархической лестнице ордынского общества занимала служилая знать: еке нойоны (великие эмиры) и нойоны (эмиры) – владельцы улусов-туменов и улусов-тысяч. Социальное положение этого слоя напрямую зависело от пожалований великого хана. Обязанности несения военной и административной службы позволяли отдельным представителям данного слоя продвигаться вверх по социальной лестнице. Вполне закономерно, что данный слой являлся источником для воспроизводства высшего слоя аристократии, а его резервом, в свою очередь, были сотники и десятники.

Учитывая вышеизложенные положения, по мнению соискателя, элитарное сообщество Орды следует ограничить теми лицами, которые получали назначения на управленческие должности лично от хана.

Признав власть ордынского хана, русские князья вынуждены были согласиться с нормами монгольской политической культуры. Получая ярлыки на свои княжества, выплачивая дань и участвуя в военных акциях ордынских ханов, русская знать оказалась включена в систему взаимодействий элиты Джучиева Улуса, как считает диссертант, на правах улусных владетелей (темников и тысячников). Большинство политических вопросов отныне решались при дворе ордынского хана. Потому необходимость пребывания князей в ставке степного правителя долгое время была неизбежной.

Ю. В. Селезнёв делает вывод, что подавляющее большинство поездок ко двору ордынского хана совершали великие князья соответствующих княжеств, либо ближайšie претенденты на великокняжеский титул. Необходимо подчеркнуть, что именно они определяли пути развития княжеств, в частности, и Руси в XIII – XV вв., в целом. Этот факт наводит на

мысль о том, что именно в столице Орды окончательно решалась судьба того или иного великого княжества.

Кроме того, автором обозначено, что включение русских князей в состав элиты Джучиева Улуса обусловило появление особого поведенческого стереотипа, связанного с системой регулярных посещений верховного правителя. Пребывание при дворе хана сопровождалось соответствующими ритуалами, обычаями и традициями. Среди них можно выделить систему подношения и получения даров и назначений, роль застолья и конского этикета. Соответствие им и выполнение их определяло политическую культуру великих и удельных княжеств в рассматриваемый период.

Ю. В. Селезнёв выделяет, что военно-политические реалии обусловили признание русскими книжниками в прямой или косвенной форме верховенство ордынского правителя над русскими землями. Со времени оформления зависимости кааны Ионгольской империи именуется «царями», а с момента фактического приобретения независимости Ордой в 1260-х гг. этим титулом неизменно именуется ханы Джучиева Улуса.

В заключении автор делает общий вывод о том, что образование в XIII столетии Джучиева Улуса и завоевание Руси привело к необходимости признания русскими князьями суверенитета ордынского хана. В результате, представители высшей русской аристократии оказались включенными в элиту Джучиева Улуса и составили там довольно представительную долю (108 князей составили 8% к общей численности зафиксированных представителей элиты Орды за XIII – первую половину XV вв., если же взять только служилую знать, то доля увеличится до 20-25%). Однако, говорить о полном слиянии русской знати с аристократией Орды не представляется возможным.

Впрочем, это вполне закономерно, если учитывать различную конфессиональную принадлежность знати Руси и Орды. Таким образом, русская высшая знать активно усваивала политическую культуру Орды и являлась относительно влиятельным слоем при дворе хана с которым, по

всей вероятности, трудно было не считаться. В то же время русские князья не могли оказывать определяющее влияние на политику ордынского государства, ибо они не имели права голоса при решении важнейших политических вопросов в Орде.

\ В целом, выводы исследования Ю. В. Селезнёва носят корректный характер и достаточно корреспондируются с основным содержанием работы.

Наши замечания.

1. Следует отметить, что для Орды с 60 гг. XIII в. Главным врагом стал Хулагундский Иран, к которому, прежде всего, было приковано внимание Сарая. В этой ситуации Русь интересовала Чингизов лишь как раздавленный и покорный источник доходов, не представлявший тогда какой-либо опасности.
2. Представляется, что монгольская политическая мудрость восходит к китайской политической традиции (с. 16). Великий хан, как и китайский император (Сын Неба), может быть во Вселенной лишь один.
3. Представляется, что в противостоянии с мощной, хорошо организованной армией Тимура хан Тохтамыш мог лишь рассчитывать на чудо, его же, как известно, не произошло (с. 70).
4. Представляется, что русские князья были лишь наблюдателями курултая, а не его участниками (с. 16).
5. Следует учитывать то, что исламизация была обязательна лишь для ордынских подданных, русские же князья её избежали. В этой ситуации отдушиной стала миграция многих ордынцев на север с их последующей христианизацией. Позднее, как известно, под Москвой оказались и мусульмане-ордынцы (т.н. служилые татары). Важным местом их обитания стало т.н. Касимовское ханство в бассейне Оки.

В целом, оппонируемая диссертация Ю. В. Селезнёва – это целостное самостоятельное исследование, соответствующее требованиям пункта

9 «Положения ВАК о порядке присуждения ученых степеней»
Основные выводы диссертации нашли свое отражение в автореферате и публикациях, соискатель – Ю. В. Селезнёв вполне заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук.

Официальный оппонент
профессор кафедры
истории России до начала XIX в.
исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова
доктор исторических наук

Д. Ю. Арапов

